

Образец книги "Красные Знаки" 1970.

Последнее время он все чаще возвращался к одной и той же мысли. Что, если бы взбалмусенная река его жизни вернулась вновь к истоку, — какой берег поманит бы его? Павла Воскресенского и, в частности, подсказывала очерченная разной линией фигура юноши реального ученика, через уильмы и бесцветных учителей. Среди этого строя фигур явственно выступала одна — с весельм прищуром немолодых глаз. Этот человек распахнул тогда перед юношой окон в мир огромный и непостижимо волнистый.

Учитель естественных наук и крамольный Дарвин — наяку смущу посыпали они в душе сына мелкого служащего земской управы! С безглазий пыльностью, которая присуща юности, он увлекся наукой, постигающей тайны живой природы. Но судьбе было угодно распорядиться по-иному. Она уговорила ему солдатскую долю.

— Бог мой! — сокрушен но клацает он головой, призываю на помощь этого несуществующего свидетеля.

Лицо генерала «делается строгим, на него будто ложится тень от нахлувших воспоминаний». И я чувствую вину перед этим человеком оттого, что вновь заставила его вернуться к прошлым годам, заново пережить события минувшего.

Эпизод, как будто вовсе не главный, но так ярко очерченный, что до сих пор он явственно слышит голос полковника и тут же — звук пощечины по испуганному солдатскому лицу руки с тонким холеным запястьем.

— Небось, на базар собрался, исподтию не заправил?

— сквозь зубы шутил половник. И осеняя — встретился со взглядом, полным презрения и злобы. Эти быстрые с азиатчиной глаза на мгновение забыли Воскресенского прощать ошибки. Чайка, плавающая вспоминала свой страх и риск, сбивший с ног этого солдата от холода карнера.

Так состоялось первое знакомство молодого штабс-капитана Воскресенского с революционером Котлытыловым. Тот вначале осторожно, а потом все более решительно, офицера запрещенными книгами. Воскресенский доставляло радость перечитывать эти гремучие слова о революции и свободе.

Февраль легендарного семидесятого года застал Воскресенского в должности командира батальона 730-го пехотного Городецкого полка. А в октябре солдаты, по рекомендации Котлытылова (сколько раз потом встречались их пути на военных дорогах!), избрали Воскресенского командиром этого же полка.

Остров лезвие карандаша медленно, подолгу, указывая дорогу, которую предстояло пройти, и замирает там, где будет бой, один из тех, что решал судьбу революции.

Твой полк пойдет здесь! — Остров лезвие карандаша медленно, подолгу, указывая дорогу, которую предстояло пройти, и замирает там, где будет бой, один из тех, что решал судьбу революции.

Он их встретил тиной, омытой ночным дождем и цветами, чудом оставшимися на изумрудах, разбросанных недавними вьюгами.

Это были удивительные цветы! Монет быть потому, что австро-индийцы подарили им советским воинам, ушибли дорогу солдатам-освободителям.

Воскесенский не замечал, ведь, для него весна, считал он, кончилаась на всегда.

Он ничего не знал о своей семье. Где жена, что с сыном? С этими тревожными мыслями он не свыкался, хотя первая горечь сльнула на устах. Осталась туча боли. О ней генерал никогда никому не говорил. Только однажды в Венгрии ему принеслось обстоятельно доложить маршалу Федору Ивановичу Толбухину. Сказать, что де-

чи и не гасли, а вились ради яркою блеску звезд.

Здесь, на хуторе Дарьевском, в тридцати километрах от Новороссийска, и here гремели выстрелы, стояла израненная земля. А сейчас тихо. Здесь уничтожек с мечом бандитов из армии Чубуров. Тридцати красных борцов, двадцать шесть лучших командиров сложили тут головы.

— Товарищи командир полка, вас вызывает Фабрициус, — глухо говорит вестовой.

Воскесенский, иттишь трехух, идет внизу, склонен освещенную коптилкой манзану. На стене колышется усталая тень военачальника, склонившего над картой.

— Братья! Новороссийск будем, — говорит он.

Поднимайте полк. Выступите сейчас, в ночь... И, слов-

то без вести пропал сын — офицер. Не то ранен, не то...

Сегодня перед рассветом, когда удалось все-таки вздрогнуть, ему приснилась женя. Юная, как в те годы, когда они встретились. Ему снилась гражданская война. Зимняя раскатанная дорога, скрип тонких половьев, скрип половьев. По этой дороге спешить, как тогда уходил Лариса в занятый белогвардейцами Степлитамак. Ступи на землю, Асенический выстрелил, как это говорят у русских — ранним утром...

— О, вы имеете в виду ходу на заре? — кто-то перебил восторженно и нетерпеливо.

Воскесенский улыбнулся, чуть криво, пожалуй, недобро:

— А мои мысли, господи, сегодня были о другом...

— Проговорил кто-то медленно, спрявляясь с одышкой.

кто готовился к переговорам, и виду побывал, что в этой холодной от дипломатической официальности комнате тоже присутствует весна. Ее аромат проносил сквозь зарешеченную форточку. Он обернулся, чтобы сказать об этом соседу, но заметил карту, висящую на мраморной стене, карту концентрических лагерей, находящихся в Альпах. Генерал откинулся на спинку высокого кресла, чуть прикрыл глаза — в памяти еще жили голоса его бойцов, отдавших жизнь за то, чтобы навсегда отстеречь земли.

— Переговоры по вопросу об установлении демаркационной линии между войсками союзных держав начинаются. На переговорах присутствуют: от имени Советского государства — генерал-майор Воскесенский...

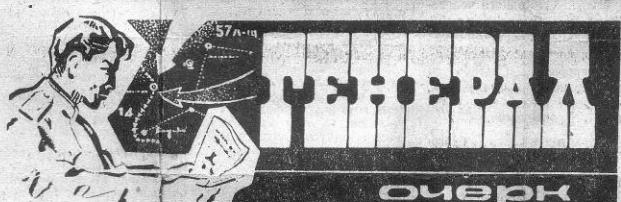
Воскесенский нетерпеливо призвал к себе блондин и не отъезжал любезно отвернулся от яркого луча иннопроекта. Американские кинокураторы снимали фильм о русских солдатах, вошедший в историю под названием: «Победители».

В этот день у советского генерала П. И. Воскесенского на многих правительственные награды присваивался американский орден «Легионер Легиона Заступа».

Ему недавно исполнилось семьдесят пять лет. Его путь был связан с событиями, которые вошли в историю. Дважды прошел с боем по земле своей Родины. Борясь за свою свободу, свое право на существование. В этом высокое значение сюжета. И сейчас он мог быть праву ничьи спасено. Но неукротимый характер генерала заставляет его постоянно действовать — отвечать на многоголосые письма людей, пишущих историю боевых лет, рассказывать о геройских солдатах и подпольщиках, рабочим и студентам, школьникам. Он по-прежнему не теряет деловой связи с военными Томского гарнизона, с музеями боевой славы. Его не забыли благодарные ученики. Среди них его воспитанник генерал-полковник летчик-испытатель Владимир Конкинин и пять других, тоже посвятившие звание Героя Советского Союза, соратников по гражданской и Отечественной.

За всю долгую жизнь ему так и не удалось вдохнуть наследство словами. В молодости она его волновала, но было не до того. Он и теперь не потерял к ней интереса. Но прошлые годы научили знать твердую цену этому званию материала. А цена ему всегда одна — труд, постоянное служение народу и партии. Без этого он не могли ни своей жизни, ни жизни своего поколения.

Л. МЕРЦАЛОВА.

Занесенные первым Воскесенский свет участника похода молодежи по местам боевой и труовой славы, Делегации получали бесценный сувенир — «Благородную гильзу со свинцом земли Брестской крепости. Один из ее легендарных защитников Герой Советского Союза П. М. Савинов вручил томосом, делегации сразу два таких сувенира. «Передайте одни», — сказал он, — моменту учителя генералу Воскесенскому».

но угадывая мысли Воскесенского, добавляет:

— Знаю, что вымогались что боины с ног бились. Знаю. Но выступать сейчас добить эту логорь, пока она еще не успела очнуться!

Фабрициус прикуривает самокрутку от языка коптилки и придвигает карту.

— Твой полк пойдет здесь! — Остров лезвие карандаша медленно, подолгу, указывая дорогу, которую предстояло пройти, и замирает там, где будет бой, один из тех, что решал судьбу революции.

Генерал почти никогда не вспоминал这一 историю. За годы гражданской войны, которую они прошли вместе, всячего было немало. А теперь вот снова подумал, что же такое что всегда умела противостоять невзгодам. Да и самы трудные времена.

А утро купалось в солнце, и тельце прохладный ветер с гор не давал весеннему телу стать летней жарой. Генерал тяжело ступал по незнакомой дороге и не знал, что в штабе уже ждало доброе известие от маршала Толбухина — сына Воскесенского ранен, лежит в госпитале, жив!

Он ничего не знал о своей семье.

Где жена, что с сыном? С этими тревожными мыслями он не свыкался, хотя первая горечь сльнула на устах.

Осталась туча боли.

О ней генерал никогда никому не говорил.

Только однажды в Венгрии ему

принеслось обстоятельно доложить

маршалу Федору Ивановичу

Толбухину. Сказать, что де-

модан да великолепная ме-ховая ротонда из секретного фонда. Кому придется в голову, что это башня из Петербурга, на: утверждала документы, а работник штаба Красной Армии. Она вернулась через двое суток. В изящном чесменском под атласной подкладкой лежали все документы.

Генерал почти никогда не вспоминал这一 историю. За годы гражданской войны, которую они прошли вместе, всячего было немало. А теперь вот снова подумал, что же такое что всегда умела противостоять невзгодам. Да и самы трудные времена.

А утро купалось в солнце, и тельце прохладный ветер с гор не давал весеннему телу стать летней жарой. Генерал тяжело ступал по незнакомой дороге и не знал, что в штабе уже ждало доброе известие от маршала Толбухина — сына Воскесенского ранен, лежит в госпитале, жив!

Он ничего не знал о своей семье. Где жена, что с сыном? С этими тревожными мыслями он не свыкался, хотя первая горечь сльнула на устах.

Осталась туча боли.

О ней генерал никогда никому не говорил.

Только однажды в Венгрии ему

принеслось обстоятельно доложить

маршалу Федору Ивановичу

Толбухину. Сказать, что де-

модан да великолепная ме-ховая ротонда из секретного фонда. Кому придется в голову, что это башня из Петербурга, на: утверждала документы, а работник штаба Красной Армии. Она вернулась через двое суток. В изящном чесменском под атласной подкладкой лежали все документы.

Минуя все этикеты, Воскесенский резко обернулся:

— Говорите, что жалоб?

Четвереньки! Науки, культуры — все благородное и добре, весь мир поставили бы на четвереньки! И заставили бы при этом быть вилы хвостом каждому броненосцу.

Спутники растерянно переглянулись. Их неподдельное смущение, в свою очередь, одарило Воскесенского знанием, что имеет дело с людьми, искренне любящими, умеющими скрываться.

Спустя несколько дней, на поздний вечеринке в доме генерала, в котором собирались союзники, он заявил:

— У меня есть письма от маршиала Толбухина — сына Воскесенского ранен, лежит в госпитале, жив!

Он рассказал о своем

внуке, о котором

всю жизнь говорил

о нем, о том, что

он — геройский

ребенок, о том, что

</div